

В память 1-го Кубанского Похода

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 В память 1-го Кубанского Похода / – М.: Книга по Требованию, 2014. – 154 с.

ISBN 978-5-458-52487-2

Первый Кубанский поход («Ледяной» поход) (9 (22) февраля — 30 апреля (13 мая) 1918 года) — первый поход Добровольческой армии на Кубань — её движение с боями от Ростова-на-Дону к Екатеринодару и обратно на Дон (в станицы Егорлыцкая и Мечетинская) во время Гражданской войны. Этот поход стал первым армейским манёвром находящейся в стадии формирования Добровольческой армии под командованием генералов Л.Г.Корнилова, М.В. Алексеева, а после гибели первого — А.И.Деникина. Основной целью похода было соединение Добровольческой армии с кубанскими белыми отрядами, которые, как выяснилось уже после начала похода, оставили Екатеринодар.

ISBN 978-5-458-52487-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Отъ Главнаго Правленія Союза Участниковъ 1-го Кубанскаго Похода

Приступая къ изданію настоящаго сборника, Правленіе приноситъ свою глубокую благодарность тѣмъ авторамъ, которые откликнулись на призывъ первоходниковъ и дали статьи для сборника. Зная, что въ тяжелой борьбѣ за существованіе, каждая минута свободнаго времени, отданная намъ, является жертвой, которую необходимо расцѣнивать очень высоко, мы особенно цѣнимъ отзывчивость русскихъ писателей, посвятившихъ свои строки воспоминаніямъ минувшихъ славныхъ временъ.

Къ сожалѣнію средства и чисто техническія условія не позволили намъ издать сборникъ въ тѣхъ размѣрахъ, въ коихъ это предполагалось; мы просимъ авторовъ, произведенія которыхъ не вошли въ изданіе, простить насъ и учесть тѣ тяжелыя условія, при которыхъ появляется нынѣ въ печати каждая книга.

Всѣхъ, пожертвовавшихъ средства на изданіе книги, мы также просимъ принять нашу глубокую благодарность. Пусть сознаніе того, что каждая строка, напечатанная во имя борьбы съ III интернаціоналомъ, приближаетъ насъ къ страстно ожидаемому дню возвращенія на родину, дастъ нравственное удовлетвореніе всѣмъ принесшимъ свою лепту на изданіе нашего сборника.

г. Бѣлградъ

1926 г.

Безвинные Мученики

И

Ихъ Искупители.

Безуміе и Ужасъ...

Главный Ужасъ былъ не въ оглушающемъ грохотѣ падашаго вѣкового зданія.

Гдѣ разрушеніе, тамъ и трескъ.

Не въ пламени горѣвшихъ усадебъ и длинныхъ аллеяхъ, усыпанныхъ снѣгомъ разорванныхъ въ клочки драгоценныхъ книгъ, усѣянныхъ обломками разгромленныхъ вещей.

Мирно лежавшій русскій медвѣдь, поднятый раскаленнымъ желѣзомъ ненависти, раздраженный запахомъ свѣжей крови, оглушенный возбуждающими криками, въ слѣпой ярости ринулся впередъ, безъ разбора разворачивая все, попадавшееся на пути.

И даже не въ кровавомъ озареніи долго вылощенной, теперь осуществлявшейся, „кровоавой мечты“.

Всякая революція готовится и несетъ съ собой кровь.

Главный ужасъ былъ во внезапномъ, на другой день, паденіи покрововъ съ огромной, руководящей группы интеллигенціи. Ею гордилась страна. Она гордилась собой. И обманула и страну, и себя. Пали покровы и обнаженность зазіяла черной пустотой. Ни мудрыхъ государственныхъ мужей, ни сильныхъ людей, ни рыцарей долга, ни „вѣрноподданныхъ Царевъ слугъ“. Послѣ отреченія Императора, въ мелкой лихорадкѣ шкурной трусости, въ обывательской растерянности, началось поголовное отреченіе служилой и неслужилой интеллигенціи. Отрекались отъ идеологии, традиціи прошлаго, отъ долга, отъ друзей, отъ самихъ себя. А всѣ вмѣстѣ отреклись отъ Россіи.

„И всталъ проклятіемъ заклеянный
Міръ халуевъ, и міръ рабовъ!“

хороня подъ собой шанку Мономаха, Олеговъ щитъ и дружины святорусскихъ богатырей.

Вотъ почему такъ изумительно легко, такъ трагически быстро пала Великодержавная Россія.

Ширлились потоки человѣческой крови, захлестывала волна подлости и измѣны. Звѣриное шло и никто не противоборществовалъ. Одни — зайцами запрягались въ углы, шевеля настороженными ушами надъ сложенными чемоданами. Другіе съ прежней гибкостью позвонковъ пресмыкались передъ новыми владыками, дѣлая революціонную карьеру. И только Онь одинъ остался вѣренъ идеѣ Россіи и сквозь облѣпившую его липкую клевету сиялъ чистотой. Свершилось. Добровольно отрекшіійся отъ трона для счастья Россіи, предавался Россіей на униженія и муки. Подъ густой щетиной штыковъ одиноко вступали въ вагонъ вѣщепосные арестанты. И никто не запротестовалъ, не поднялъ голоса въ защиту. Молчали вѣрноподданные, вчерашніе слуги Царевы. Какъ Пилаты умыли руки. Тѣсно окружала огромная свита на парадахъ, торжествахъ, выходахъ и балахъ могучаго Императора величайшей Державы, купаясь въ лучахъ Его блеска. Но на Голгову сопровождало лишь пятеро, да вѣрными остались двое иностранцевъ и всѣ до одного низшіе служащіе, сыны „простого народа“.

Кошмарнымъ сномъ казалась гнусная явь и хотѣлось уснуть, чтобы не видѣть. Прекрасной явью становился приносившій забвеніе сонъ и было страшно просыпаться.

Но вотъ раздался тихо призывный звукъ трубы: то старый генералъ Алексѣевъ звалъ „вѣрныхъ“ искупить беззумыный грѣхъ Россіи.

И скрестились два трагическихъ пути: безвинныхъ мучениковъ, преданныхъ „врагамъ“ Россіи, и взявшихъ на себя великій подвигъ искупленія. Два свѣтлыхъ луча съ сѣвера и юга прорѣзали марево Россійскаго безумія и ужаса.

* * *

На сѣверѣ, въ далекомъ Тобольскѣ, за наглухо захлопнутыми дверями холоднаго дома, всѣми брошенные, беззащитные, томнились царственные узники. Четыре юныхъ прекрасныхъ царицъ и болѣзненно хрупкій царевичъ. Дѣти волшебной сказки, короткая жизнь которыхъ была пропизана лучами любви и красоты. Они не знали грубости и злобы жизни, не понимали подлости измѣны и не было вины за ними, кромѣ одной — что родились во дворцѣ. И юныя души, какъ не распустившіеся цвѣты отъ напора холоднаго вѣтра, сжимались отъ незаслуженныхъ издѣвательствъ.

Пьяный хохотъ звучалъ вокругъ, висла въ воздухъ грубая брань, неприличныя надписи кричали съ дверей дѣвичьей комнаты и вздрагивали царевны-дѣти волшебной сказки, глуша, готовые вырваться, стоны боли, пряча ихъ другъ отъ друга, чтобы не обезсилить, не огорчить. Все съ кроткой покорностью спосили онѣ. Только временами прекрасные глаза пытливо всматривались въ злобно ненавидящія чудомѣнно спрашивая: „за что?“. И быть можетъ, въ эти минуты вставала въ памяти толпы восторженно привѣтствоваваго народа. Лазареты, въ которыхъ съ такой искренней любовью работали онѣ и сіявшія радостной благодарностью лица больных... Лица русскаго народа?...

Каждый день накладывалъ новыя, глубокія морщины на кроткое лицо Императора. Рвалось отъ боли за страданье семьи сердце непонятой жены и матери, безъ остатка отдавшей душу любви и за нее протащенною по грязи.

Но ни одного малодушнаго крика, ни одного проклятiя. Вѣрные Россiи, преданные Россiей, они молились за Нее, чернымъ грѣхомъ и позоромъ покрывшую себя.

Въ это время на югѣ, въ Донскихъ и Кубанскихъ степяхъ закигалась лампада искупленья. Въ глухую осень, пробираясь сквозь гуцу осатапѣлыхъ людей, стягивались сюда со всѣхъ концовъ страны паломники, охваченные религиозной любовью къ Россiи. Офицеры и генералы, русскіе дѣти — гимназисты и кадеты, юноши юнкера и студенты, русскія дѣвушки и женщины. Постыдно мало собралось ихъ; тысячи три, а противъ — стомилліонный народъ. Но не ведутъ счета врагамъ обреченные, а они обрекли себя: кровью смыть позоръ Россiи, смертью искупить ея грѣхъ. И что то мистическое чудилось въ этомъ составѣ „рыцарей бѣлаго ордена“. Казалось, дѣти искупали своей кровью — кровь дѣтей, женщины — женщинъ, а всѣ вмѣстѣ — грѣхъ народа. И въ бушующемъ океанѣ, затопившемъ страну незаходящаго солнца, чернымъ безуміемъ погасившемъ солнце, ярко свѣтились двѣ звѣзды скрестивъ лучи въ трагизмъ и величія.

Тамъ, на сѣверѣ, въ терновомъ вѣницѣ, кротко переноса непереносимое, одинокая Царская семья, окруженная врагами, сіяла величіемъ христіанскаго смиренiя, чистотой Вѣры и Вѣрности Родинѣ.

Здѣсь, на югѣ, самая маленькая армія въ мірѣ, тоже одинокая, окруженная ненавистью многомилліоннаго народа, добровольно надѣвала на себя терновый вѣнецъ, оставаясь вѣрной Россіи.

Тамъ, оклеветанный, въ измѣнѣ обвиненный Императоръ, обрекалъ на мученическую смерть себя и любимую семью, отказавшись цѣной спасенія себя и ихъ, продать честь Родины, подписавъ Брестскій миръ.

Здѣсь, на единственно чистомъ клочкѣ русской земли, бились „лучшіе“ окруженные толстой стѣной штыковъ, объявленные „врагами русскаго народа“, высоко поднявъ затоптанный грязными ногами русской національный флагъ.

Придвигался призракъ страшной смерти, заглядывая пустыми впадинами въ лицо „узникамъ“. Предчувствовались ужасы пытокъ, вставали картины послѣднихъ минутъ и предсмертной тоской сжималась грудь. Но даже въ эти непередаваемые минуты томленія, когда голосъ жизни властно протестуетъ противъ насильственной смерти и тогда не сорвалось проклятiя, отдававшему на муки народу. И по почамъ, томясь смертельной тоской, писала молодая царица Татьяна:

„Владыка міра, Богъ Вселенной,
„Благослови молитвой насъ
„И дай покой душѣ смиренной
„Въ невыносимый, страшный часъ
„И у преддверія могилы
„Вдохни въ уста Твоихъ рабовъ
„Нечеловѣческія силы
„Молитесь кротко за враговъ“.

Сжималось кольцо страданій въ пылающихъ пожаромъ борьбы южныхъ степяхъ. Голодные, оборвавшіеся, травимые со всѣхъ сторонъ, дрались, не сдаваясь, гордые носители „бѣлой идеи“ — одинъ противъ сотенъ. Покрывали степи безвѣстными могилами, полили жертвенной кровью тучныя нивы, скатывались въ пропасти. Умирали безъ сожалѣнія, умирали радостно, передавая, холодѣвшими руками уцѣлевшимъ, святой кровью омытое, знамя Великой Россіи.

Яркій свѣточъ, зажженный русскимъ народомъ триста слишкомъ лѣтъ назадъ у воротъ Ипатьевского Монастыря, погашенъ звѣрской рукой инородцевъ, при преступномъ попустительствѣ нашемъ, въ высокихъ стѣнахъ Ипатьевского дома. Но не погасъ другой — факелъ великаго патріота генерала Алексѣева. Все ярче разгорался онъ, и къ его пламени собрались лучшіе сыны народа.

Гулко разносится по Руси злобный хохотъ сатаны и гуляетъ топоръ палача-инновѣрца. И все же не напрасно были припесены жертвы, первыми вставшими за Честь Россіи. Они оправдали, искупили грѣхъ, смыли позоръ, дали право

всякому русскому высоко держать голову. И не стыдно стало жить. Нерукотворный, вѣчный памятникъ создали себѣ Первопоходники. Ихъ не забудетъ Россія. Въ длительные годы позора — они ея Гордость. Поднятая ими — „бѣлая идея“ ширилась и крѣпла, передъ подвигомъ ея не склонились лишь головы предателей.

Слава оставшимся въ живыхъ.

Благословенна память павшихъ.

ГЛУХОВЦОВА.

Рыцарямъ Ледяного Похода.

Къ вамъ, братья мои по духу и сердцу, къ вамъ, рыцари Ледяного Похода, къ вашей славной восмилѣтней годовщинѣ стремится моя мысль.

Не дала мнѣ судьба быть съ вами, когда, всѣми оставленные, всѣми отвергнутые, среди враждебнаго или безучастнаго океана народнаго уходили вы изъ Ростова въ холодную мгlistую даль навстрѣчу невѣдомому будущему, прикрывая стынущими отъ стужи руками послѣдній, задуваемый вѣтромъ, трепетный огонекъ Русской свободы.

Далеко тогда былъ я отъ васъ, маялъ долгіе годы въ плѣну, куда попалъ, истекающей кровью, съ тяжелой раной въ голову. Кипѣла тогда уже цѣлый годъ въ красномъ пожарѣ Россія, и до насъ, сидѣвшихъ въ плѣну, сквозь багровый, окутавший ее дымъ только смутныя прорывались вѣсти.

Но и мы знали священное имя Корнилова, и слышали мы, что гдѣ-то далеко на Дону съ горстью храбрецовъ сталъ онъ грудью противъ краснаго шквала. И когда мы, утѣшая другъ друга, говорили это имя, намъ было не такъ стыдно смотрѣть другъ другу въ глаза. „Все погибло, — думали мы, — но честь не погибла“.

Волками смотрѣли тогда на насъ офицеры союзныхъ войскъ, наши сотоварищи по плѣну. Говорили открыто: — „Измѣнила намъ Россія“. Въ ихъ глазахъ Совнаркомъ былъ правительствомъ Россіи, и не хотѣли, либо не могли они понять нашей Русской трагедіи, нашего Русскаго горя. Нѣмцы, наши тогдашніе враги, ближе знающіе Россію, больше понимали насъ. Тогда имъ было выгодно то, что случилось съ Россіей. „Война есть война“, — говорили они. — „Мы послали вамъ Ленина, это тотъ же ядовитый газъ“. Но и нѣ

мецкіе офицеры съ уваженіемъ произносили имя Корнилова. „У васъ есть Корниловъ, вамъ нечего стыдиться“. И мы видѣли, какъ исчезала куда-то ихъ обычная суровость и они глядѣли на насъ съ сочувствіемъ и, не скрывая, высказывали его. Тогдашнимъ врагамъ, знавшимъ русскихъ въ бою, было больше понятно наше горе, чѣмъ тогдашнимъ союзникамъ.

Немногое зналъ я, какъ видите, о васъ, когда вы совершали свой Ледяной Походъ. Только много спустя, почти черезъ годъ, когда кончился плѣвъ и черезъ тысячи красныхъ преградъ удалось мнѣ, какъ и многимъ изъ бывшихъ со мною, пробиться на Югъ Россіи, чтобы тамъ служить Русскому дѣлу, узналъ я подробно всѣ отдѣльныя героическія страницы, сложившія святую книгу Корниловскаго похода.

Я помню, какъ горѣло сердце и какъ волненіе перехватило мнѣ дыханіе, когда слушалъ я рассказы участниковъ о знаменитомъ Марковскомъ „Сыровато!“ или о томъ горестномъ днѣ, когда наши отходили отъ Екатеринодара, везя съ собой на повозкѣ, покрытое шинелью, тѣло убитаго Вождя. Слушая все это, чувствовалъ я тогда, что, какъ бы ни повернулась судьба и какія бы новыя бури ни свалились на Русскую голову, та чудесная эпопея, что называется „Ледянымъ Походомъ“, есть то, что не предастся забвенью и чему суждено перейти въ исторію.

Много съ тѣхъ поръ утекло воды. Много видѣли мои глаза. Былъ я въ бѣломъ Екатеринодарѣ, по чьимъ улицамъ за годъ передъ тѣмъ озвѣрѣвая толпа влачила вырытое изъ могилы обезображенное тѣло героя, а теперь шли съ церковнаго парада казачьи полки и стройныя добровольческія роты, и былъ я въ бѣломъ Ростовѣ и вновь уходилъ изъ него пѣшкомъ, по колѣно въ непролазной грязи, въ хмурый декабрьскій день, и лежалъ въ обмерзлыхъ Новороссійскихъ вагонахъ, обдуваемыхъ пронзительнымъ нордостомъ... И многое, многое видѣлъ съ той поры... Но ни то, что я видѣлъ, когда мои ноги еще стояли на родной землѣ, ни то, что я видѣлъ за долгіе годы зарубежнаго изгнаничества, не стерло изъ моей памяти тѣхъ чувствъ, какія переживалъ я, когда впервые услышалъ горькую, грозную и славную повѣсть Ледяного Похода.

Тѣмъ изъ участниковъ его, кому въ день восмилѣтней годовщины дана будетъ судьбою радость собраться вмѣстѣ и вспомнить старое, и тѣмъ одинокимъ, кому, вдали отъ семьи боевыхъ товарищей, будетъ не съ кѣмъ истрѣтить этотъ день и придется помянуть его наединѣ съ собою, въ этихъ строкахъ крѣпко жму я руку и шлю мой горячій, братскій привѣтъ. Въ ихъ боевую годовщину мыслю и сердцемъ я буду съ ними.

Какъ хотѣлъ бы я быть въ этотъ день въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ будутъ они, собравшіеся дружной семьей или оди-

покіе, чтобы высоко поднять въ ихъ честь мою чару и сказать имъ: —

„Мужайтесь, братья! Борется сатана со Христомъ. Но не дано сатанѣ побѣдить Христа! Что наши земныя испытанія? Что наши земные сроки? Знаетъ Богъ, куда Онъ ведетъ насъ. Есть Богъ, и Россія будетъ. Не погибнетъ ваше единопреды поднятое святое, бѣлое, снѣжное, вьюжное Знамя, что Божіи ангелы несли надъ вашими головами въ Ледяномъ Походѣ. Оно еще взвѣется надъ Россіей. Вѣрую всѣмъ существомъ моимъ, что вы сами увидите это! Будемъ ждть этотъ часъ, нашъ Русскій долгожданный часъ. Онъ придетъ. Если же кто изъ васъ не увидитъ его и умретъ на чужбинѣ пусть твердо знаетъ, умирая: — Будетъ Россія и *никогда, никогда, никогда* память о славномъ Ледяномъ Походѣ не порастетъ забвенной травой.

За васъ поднимаю чару! За вашу, небеснымъ блескомъ осіянную славу!

Сергій КРЕЧЕТОВЪ

Основатель и Верховный Руководитель
Добровольческой Армии
Генералъ отъ инфантеріи
Михаилъ Васильевичъ Алексѣевъ †

На смерть Генерала Алексѣева.

Умеръ Вождь Россіи, умеръ мудрый витязь,
Лучшій сынъ отчизны, сломленный войной.
Дорогой могилѣ низко поклонитесь,
Здѣсь лежитъ Печальникъ, Родины большой...

Отъ Новороссійска до сѣдого Дона,
Отъ степей Киргизскихъ до Каспійскихъ водъ,
Вновь побѣдно рѣютъ русскія знамена,
И свободно дышетъ мученикъ-народъ.